

УДК 930.85:82 (История цивилизации. История культуры (общие вопросы). Художественная литература. Литературоведение)

ВОЛАНД И СЕМАНТИКА «ВРАГА» В РОССИИ (ПО РОМАНУ М.А.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

© 2016 В.И.Немцев

Немцев Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедры теологии.

E-mail: v.nemtsev@bk.ru

Самарский государственный университет путей сообщения. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

«Враг» издавна был на Руси, помимо просто противника и «супостата», основным противовесом добрым намерениям, официальным государственным интересам, а также концентрацией бытовых антагонизмов. Врагом воспринимались почти все разновидности нечистой силы – сатана, ворог (колдуны, ворожеи), а, главное, – «басурмане». Образ последних строился на контрасте: русские белы лицом – враг темен, носы у русских прямые или курносые – значит, у врага крючковые; по этому принципу создан и портрет Воланда. Более широко врагом воспринимался дьявол, по-древнееврейски «сатана». Но его наименования диктовались стремлением «не накликать», поэтому слова «дьявол», «сатана» употреблялись реже, чем «черт», «враг», «нечистый». И М.А.Булгаков показывает такого врага в Москве, который, в окружении клеветов, обаятелен, могуществен, справедлив, но ведь такова *любая сильная власть*. Вывод: Воланд как «падший ангел» несет отсвет Иешуа, да и они, по тексту, тесно связаны. В народных представлениях дьявол страшен, опасен, с ним лучше дела не иметь. Хотя по христианскому канону дьявол всего лишь оппонент Бога, его иная, правда, губительно коварная, сторона.

Ключевые слова: семантика врага в России; М.А.Булгаков показывает такого врага в Москве; Воланд; у Воланда много прообразов; бесконечная многозначность – один из основных эстетических принципов Булгакова.

Первые же герои, литераторы Берлиоз и Бездомный, повстречавшиеся с «иностранным профессором» Воландом, распознали в нем врага. Поэтому будет не лишним обратить внимание на одно из ключевых слов ушедшей эпохи – «враг».

«Враг» издавна был на Руси, помимо просто противника и «супостата», основным противовесом добрым намерениям, официальным государственным интересам, а также концентрацией бытовых антагонизмов. Врагом воспринимались почти все разновидности нечистой силы – сатана, ворог (колдуны, ворожеи), а, главное, – «басурмане» [1]. Образ последних строился на контрасте: русские белы лицом – враг темен, носы у русских прямые или курносые – значит, у врага крючковые; по этому принципу создан и портрет Воланда. Более широко врагом воспринимался дьявол, по-древнееврейски «сатана». Но его наименования диктовались стремлением «не накликать», поэтому слова «дьявол», «сатана» употреблялись реже, чем «черт», «враг», «нечистый».

И М.А.Булгаков показывает такого врага в Москве, который, в окружении клеветов, обаятелен, могуществен, справедлив, но ведь такова *любая сильная власть*. Причем, власть эта демонстрируется вполне в западноевропейской традиции –

таково обличие и поведение Воланда и клеветов, значит, они не могут не воплощать западной идеи [2]. К тому же весь роман «Мастер и Маргарита» развернут в городской среде западного типа культуры и еще в гористой местности Европы – куда-то пропала даже российская степь.

Не оттого ли, что так естественнее смотрятся чуждые русскому человеку «враги»? Но нельзя и сказать о том, что писателю нравилась романтическая атмосфера лунной ночи при свечах, лежащие на рояле ноты, плющ на стене домика, горный ручей... Отнюдь не враждебная среда.

Главные враги героев догматик и фарисей Берлиоз и «наушник» Майзель наказаны не за то только, что совершали неблагоприятные дела, а за то, что, принадлежа к богоизбранной нации, подобно критику Ариману, носящему имя языческого беса, допускали отступление от веры отцов, от своего *высокого предназначения и исторической миссии*. Воланд их наказывает именно за это и еще за то, что они его не признают за *власть*, наказывает не за партийные пристрастия.

Кстати, по сталинской терминологии их можно определить как «антипартийных функционеров», а для общепонятного употребления – как «внутренних врагов». Все ярые оппоненты генсе-

ка, вроде троцкистов и рапповцев, были еще и «врагами народа». А в мениппее идеологический оппонент Христа, отрицающий истинность мессии, а, значит, отвергающий свидетельство Воланда, который при сем присутствовал, Берлиоз, тоже не найдет пощады, как и подосланный за деньги его единомышленниками «казачок» Майзель. После их казни компаньонами Воланда читатель может испытать чувство удовлетворения, какое наверняка испытывали многие литераторы в 1930-е гг. после известия о казни Г.Ягоды, Л.Авербаха, В.Киршона и других «руководителей литературы».

Только чувство это может быть *спровоцировано* Сатаной. Воланд, натурально, в этом случае поступает не «по-божески» [3]. Так ничего божеского в СССР и не было – чего нихватишься, того нет... Даже знаменитое сталинское *церковное* обращение «братья и сестры» в начале Великой Отечественной войны, как убедительно показал М.Вайскопф, подразумевает только тех «наших людей», или потенциально «наших», кто живет в оккупации или за рубежами СССР [4]. В таком обращении ощущался семантический оттенок неполноценности и ненужности. А чаще всего «братья и сестры» рассматривались как враги, их нельзя было назвать ни «товарищами», ни «гражданами». В общем, заключает М.Вайскопф, это был «охотничий зов Каина» [4, с.92].

Божеского не было, зато дьявольского – сколько угодно. Но при этом дьявола как бы тоже не существовало. И раз Воланд выражает своей персоной, да и портретом, немецкие фольклорные представления о дьяволе [5], ему должны быть присущи *оборотнические* приемы. Воланд действительно травестированная фигура, но воплощается он совсем не в одного Афрания [6]. Для нас очевидно, что своим поведением он отражает целый комплекс переодеваний, мимикрии, оборотничества, присущих, в представлении народов христианской культуры, нечистой силе. Он вполне мог быть и пряжкой в руках Пилата, и ласточкой, впорхнувшей на балкон, и даже на какое-то время самим Пилатом.

Ведь прием оборотничества используется автором-творцом романа для прояснения концепции произведения. Не будет же в самом деле Воланд или его рыцарь Фагот принимать какой бы то ни было облик, раз уж им не составляет труда быть невидимыми. Выявляются они исключительно *ради читателя*. Князь тьмы, присутствующий на допросе Иешуа, одному только читателю и может быть виден, остальным это и ни к чему.

Выходит, оборотничество – это органичный способ существования романной действительности, проникнутой чудесами и сюрпризами нечистой силы. Слово «оборотень», если следовать В.И.Далю, имеет два значения: 1) демон (ведьма); 2) преобразенный (посредством захватившей его идеи, другого человека, в силу какого-то потрясения) в человека иного поведения, чем прежде, либо сбросившего с себя социальную маску. Одни персонажи меняются глубоко, изнутри (Иван, Рюхин, Маргарита), другие изменяют стереотип поведения, черту характера, убоявшись гнева Божия (Варенуха, Римский, Босой, Лиходеев, Поплавский), третьи меняются внешне, ради определенных целей (Коровьев, Бегемот, Азazelло). В результате все, кроме воландовых клеветов, попадают в клинику для душевнобольных, где профессор Стравинский снова возвращает их в советское общество. Исключением тут оказывается еще Маргарита, не лечившаяся у Стравинского, не возвращающаяся к прежней жизни. Она потеряна для общества, ибо отдала душу князю тьмы за любовь к Мастеру.

Клиника же выступает местом прозрения, куда попадают все «обернувшиеся» из вялотекущей действительности. А по логике романа – это еще тюрьма для тех, кто, столкнувшись с нечистой силой, открыл глаза на собственное место в исторически ненормальной жизни. Сама жизнь предстала им обернувшейся адом, и, значит, их требовалось «подлечить». Лечение заключалось в гипнозе, который возвращал пациентов к прежнему мироощущению. Ведь встреча с нежитью, как и пребывание в концлагере, не обходится без последствий. Ну, хотя бы, раз ты стал пациентом клиники профессора Стравинского, значит, уже преисполнился инакомыслия. А клиника – это метафора *преодоления* инакомыслия.

Было бы большим заблуждением исследователей «последнего закатного романа» утверждать взгляд на героев, как не понявших до конца происходящее, а то и пострадавших ни за что ни про что. Ведь можно не увидеть сути Воланда, но почувствовать истину, внушаемую самим его явлением. И в романе Булгакова продемонстрирована скрытая реакция персонажей на события в Москве и Иерусалиме, отнюдь не прошедшие мимо их сознания. Взять вот Иванушку, потрясенного полной откровенностью всевидца Воланда; помешательство прошло, но необходимость правды, ясно прочувствованная Иваном, осталась. Поэт теперь не скрывает, например, своего презрительного отношения к Рюхину, такому же моло-

дому идеологу-виршеплету, разве что более погрязшему в номенклатурной писательской жизни. И тот же оборотень Рюхин в конце концов признается самому себе: «Не верю я ни во что из того, что пишу!..»

Булгаков при этом намеренно использовал все несообразности евангелий, придав им еще большую убедительность, что мы и продемонстрируем ниже. Правда, наибольшая точность в таких обстоятельствах возможна была лишь при условии отображения (в основном, косвенного) в романе чудес, связанных с Иешуа, Пилатом и Каифой. Нет там только одного ключевого персонажа – Воланда. Но он как сатана и не должен был присутствовать во плоти.

«Мистическая осведомленность» Воланда объясняется именно этим – его вездесущностью, что неудивительно для князя мира сего. Лукавство Воланда – в самом его появлении перед литераторами. Да и спор их вздорен: либо ты веришь, либо нет. А сами-то литераторы верят в атеизм, который «религиозная вера... наизнанку» [7]. Вот точка отсчета характера Воланда: он *демонстративен*, хотя должен быть *невидимым*.

Окружение Воланда и дополняет его самого, и расширяет представление о системе действующих лиц романа. Любопытно, что князь тьмы не появляется сам по себе, его вызывают, *чертыхаясь*, герои мениппеи, начиная с первых же эпизодов. Один Мастер говорит: «Бог с ними» [8], хотя тоже иногда поминает лукавого... Еще Маргарита спохватывается: «Боже, я потеряла подкову!» (285). А Прохора Петровича черти взяли, как он того и хотел (184). Да, впрочем, и герои других произведений писателя, особенно главные герои «Белой гвардии» [8, с.189–458], то и дело чертыхаются, словно *призывают* на себя беды.

«Профессор черной магии» лукаво откликается на икоту литераторов и является Берлиозу, затем Бездомному. Их привычное чертыханье удерживает сатану рядом с ними. В одном из пророческих снов Елены Васильевны Шервинский предстал демоном с золотой звездой на груди. Максудову явился редактор Рудольфи, напомнив о Мефистофеле. Сталин в «Батуме» тоже демоном зовется. Только один преобразившийся Иван – почти «божий человек», призванный сохранить истину в неприкосновенности, ибо она, как и рукописи, не горит и не исчезает. Правда, из-за своей угодности Богу Бездомный остается по преимуществу *нищим духом*.

Конечно, люди в романе «как люди», потому что злое начало в них уравновешено добрым. Иешуа готов поговорить с любым злодеем потому, что есть возможность пробудить доброе начало в

каждом. Человек столь же зол, сколько и добр, только доброго начала в нем больше, и надо об этом напоминать. Вот поэтому в европейском средневековом фольклоре черт выступает адептом *справедливости*. В «Божественной комедии» Данте справедливость исходит тоже от inferнальной силы.

Другое дело Мастер. «Мастером» впервые назвала автора романа о Понтии Пилате Маргарита (139). Она похожа на посланницу Воланда – зеркальное отражение Левия Матвея. Она же смастерила черную шелковую шапочку с вышитой буквой «М» («мессия»? «Михаил-архангел» [9]? – В.Н.), она же толкала писать роман, «толкала на борьбу» (140), сообщает повествователь. Был напечатан большой отрывок в одной газете, и после этого началась травля. В нее был втянут и Иван, получивший заказ на поэму о том, что Иисуса Христа якобы не существовало. Но вышел конфуз, задевший Берлиоза: Иисус получился «ну как живой».

Всей истории сопутствовала цепь *случайностей*: выигрыш по облигации крупной суммы денег, любовь к Маргарите, дружба с журналистом Алоизием Могарычем (нам видится по созвучию оппозиция «архангелу Михаилу». – В.Н.). Наконец, когда Маргарита покинула Мастера, посулив утром вернуться к нему навсегда, через четверть часа к нему постучали... Похоже, Маргарита уже тогда была ведьмой, влюбившейся в объект своего колдовства.

Кроме того, II часть романа, начинающаяся с повествования о Маргарите, где рассказчик упорно называет себя «правдивым повествователем», а рассказ Мастера «сущей правдой», может принадлежать перу Ивана Бездомного, пожалевшего Мастера. Ведь и Булгаков ученик Мастера!

По крайней мере, романтический повествователь II части знает все и все уже понимает, ибо он явно связан с нечистой силой. Это может быть и Маргарита.

Да, Маргарита, *всегда* «чуть косящая на один глаз ведьма» (210), – заведомо ведьма! Поэтому она избрана хозяйкой сатанинского бала, гости которого обладали большими объемами власти. На балу проходит парад сильных мира сего в прошлом... Здесь же находятся и самые известные творцы в разных областях искусства.

Предания о ведьмах Западной и Центральной Европы рассказывают о «повелителе шабаша», на вершине священной горы выбирающем одну из присутствующих женщин себе в жены. Та мажется мазью из растений семейства пасленовых (компоненты – альраун, белена, дурман, красавка), «дающих ночную тень» и «дурманящих сознание». После этого она находится рядом с пове-

лителем, и участники шабаша воздают ей почести, кружась в бешеном хороводе [5, с. 235, 248].

В индийском тантризме есть богиня Кали («Черная»), символ женского начала, бессознательных земных сил ночи. В ритуалах она появляется в сопровождении почитательниц. Эти женщины-Кали предстают чаще всего нагими, или, по индусскому выражению, «облаченными в одежды природы»: весь окружающий ночной мир вокруг жрицы, Луна, звезды, видятся участниками ритуала как одежды богини [5, с. 388]. Понятно, что *дурманящие* ведьмы в народе встречали сочувствие.

А вот бес в древнем Египте считался защитником от злого взгляда, колдовства и опасных животных [10]. Оттого кот Бегемот может признан фигурой, по меньшей мере, двухзначной. В библейском восприятии «бегемот» означает сатанинский образ зверя, который ожидается в конце мира (Иов 40: 10–18). Кот же в Европе издавна воспринимался как *символ свободы*, отчего старинные роды швабов, швейцарцев, бургундцев вводили кошек в свои родовые гербы [10, с. 131].

И не зря Бегемот антропоморфен. А Воланд – сама *звездная ночь*. Если все окружение Воланда красноречиво составляет его свиту, то Бегемот, даром, что похож на добродушного толстячка и одновременно огромного кота, тепло *очеловечивает* своими шаловливыми, простодушно жуликоватыми, хитровато-нерасчетливыми свойствами всю честную компанию [11].

Воланд еще напоминает Заратустру. Конечно, Воланд не полное образное тождество идей создателя Заратустры, но некий синтез, отражающий, по мысли Булгакова, абсолютную истину, идею власти, правящей миром. Вообще деэстетизация мира, недостоверность рассказываемых событий по-гоголевски скрывает важный прием психологического внушения читателю правдоподобности описываемого. Делается это с помощью категорий убедительности – приемов достоверности изображаемого.

Так что неважно, как смотрится Мастер, скачущий в финале за Воландом – сущей Вселенной; он может быть в одежде либо Мольера, либо Канта. Важно ведь то, что нам это просто *увиделось*.

В «личном присутствии» Воланда при всех событиях романа Мастера признается он сам для того, чтобы «заинтриговать» своих собеседников, утверждается в комментариях к роману [12, с.642]. Однако литераторы совсем не заинтриговываются, а лишь пугаются и вследствие этого начинают действовать: один успокаивает «сошедшего с ума»

иностранца, другой бежит звонить по поводу его сумасшествия, и в результате попадает в трагическую ситуацию (44–47). Признание Воланда «давало повод искать следы материального присутствия Воланда в сценах 2-й главы – то в образе Афрания, то ласточки и т.п.» [12].

У Воланда много прообразов. Бесконечная многозначность – один из основных эстетических принципов Булгакова, и мы не будем здесь подробно останавливаться на этом. Однако укажем на некоторые переключки со столь удивительным образом-характером романа. Интересна мифическая фигура графа Сен-Жермена, жившего по принципу, что он может быть в этом мире всем, кем только пожелает. Сообразно такому принципу, он представлялся кому маркизом де Белламаром, кому графом Сюрмонтом или (в Москве!) – генералом Вельдоном. Он заинтриговывал собеседников сообщением, будто бы ему уже за *две тысячи лет*. В доказательство мог описать подробности свадьбы в Кане Галилейской, где он сидел рядом с апостолом Петром, умоляя того не напиваться, и, кроме того, давал краткий урок застольного этикета Иисусу Христу [13].

Из современников Булгакова, по слухам, кочевавшим по телепередачам, на роль Воланда может претендовать советский физик-теоретик итальянского происхождения академик Р.Л.Бартини (1897–1974), якобы открывший шестимерное пространство. Вероятно, они были знакомы, поэтому портрет Бартини похож на воландовское описание (глаза, телепатическое угадывание мыслей собеседника, щедрый ум). Говорят, ученый походя подарил свои идеи самолетов нескольким авиаконструкторам. Остальные из его шестидесяти самолетов, нарисованных лишь на бумаге, так и не обрели «плоти». Конечно же, такой загадочный и, вероятно, ироничный человек был отправлен в концлагерь, потом в «шарашку».

Еще об одном прообразе Воланда пишет А.Эткинд [14]: американский посол Буллит, бывший, вероятно, чекистским агентом и опекавшийся женой разведчика Эйттингона известной балериной Лепешинской, остался в памяти мемуаристов и историков яркой фигурой.

Да и Воланд с самого начала повествования ведет себя как шпион (не зря Бездомный это нюхом почуял) и провокатор. И настолько заостряет ситуацию (хотя, по первому взгляду, безобидную и обыкновенную), что даже самый предубежденный читатель невольно начинает верить в нечистую силу. А, уверившись, посмеивается над Берлиозом, тупо отрицающим существование Иисуса

как исторический факт. Вот это-то князю мира и надобно. Он подстроил всю описанную в завязке романную ситуацию, чтобы предъявить в качестве доказательства существования Бога себя самого и еще описать допрос одного бродяги, весьма похожего на новозаветного Сына человеческого. Несомненно, что большинство читателей опубликованного в конце 60-х гг. романа уподоблено скорей Иванушке, чем Берлиозу, поэтому вся сцена развернута престранным профессором к «поэту-задире» и читателям.

Сам же Воланд, постоянно находящийся в гуще событий, тем самым показывает, что именно он правит миром. Он «пристраивает» Берлиоза под трамвай, а Бездомного в клинику Стравинского, ибо такова истина [15], порождаемая странной ситуацией на Патриарших прудах. Не вмешайся самозванный профессор в разговор литераторов, и они бы здоровались, и заседание бы состоялось, и антирелигиозная поэма была бы написана.

Воланд появился в Москве потому, что некий Мастер написал правдивый роман о казни Сына Божьего. Впрочем, подвиг на это безвестного писателя сам же Воланд, создавший соответствующие условия и использующий социально-политическую ситуацию в стране для появления необычного, но правдивого произведения. Несомненно, что дальнейшее развитие сюжета – уже за пределами самого романа – потребует смерти и казни всех остальных берлиозов. Так оно и случилось в действительности. Автора романа Сатана забирает с собой вместе со своими помощниками, к которым относится и Маргарита (а может, именно поэтому Мастер и удостоен «покою», что его возлюбленная стала ведьмой: он обречен разделять участь того, кого он любит). Враги же Мастера получили по заслугам. Один лишь Иван Поньрев остается со знанием истинного порядка вещей. (Впрочем, мы отмечали, такое знание не приносит заметных плодов, Иван Николаевич не задается этой проблемой). Именно он должен написать продолжение романа или рассказать его повествователю, что вероятнее всего. Видимо, эпилог романа написан им, и он вносит путаницу в финальную часть произведения. Истина тем не менее не пропадает совсем, она бродит между людьми, подобно философу Иешуа.

И.Н.Поньрев готов отдать что угодно, чтобы узнать тайну Николая Ивановича, соседа Маргариты Николаевны. Но он мало что вынес из общения с Воландом и Мастером. Поэтому он не все понимает в произошедшем и поэтому по-прежнему остается в Москве. И только во сне в единственную праздничную ночь в предпасхаль-

ное полнолуние Иван видит финал романа, будто бы дописанный Мастером после исчезновения из палаты №118. Но финал искажен – Понтий Пилат просит поклясться Иешуа, что его казни не было. И тот клянется, чему-то улыбаясь. Но этот бестолковый финал под влиянием Мастера сочинен во сне уже Иваном. И финал этот фальшив, благодатен. Он для таких же блаженных духом (383–384). И сон Ивана тоже лжив. Ученик Мастера столь же невосприимчив к истине, как фанатичный Левий к тени.

Вон из-за невосприимчивости к истине по всей стране штук сто котов истребили (374). Опять коты? Почему они? Ведь советские репрессии не были *слепыми и бессмысленными* – все внятно объяснялось исполнителям и «зрительным массам», чтобы найти понимание и сочувственный отклик действиям «народной власти». А вот коты, эти существа, еще с древности символизирующие *свободу и своенравие*, советской власти были, без сомнения, заведомо враждебны. Котов невзлюбил еще чуткий «сверхсобака» Шариков, верный своей почти «пролетарской» природе.

Мастер между тем вяло говорит Ивану: «Не надо задаваться большими планами, дорогой сосед, право» (147). Он это говорит в покоях клиники, между прочим, уже психологически пребывая в «покое». И Иван следует наставлению своего учителя – он *не дописывает* роман, хотя формально выполняет другую его просьбу: «Вы о нем продолжение напишите!» (362). Но это продолжение совершенно не вписывается в трагический пафос произведения, только смущает исследователей, поддающихся его обманчиво очищающей образности. Достаточно вспомнить, что Воланд умертвил любовников и призвал к себе и унес с собой.

Воланд – истинный главный герой романа. Мастер призван Сатаной сочинить «правдивое повествование». Маргарита должна любой ценой спасти возлюбленного. Иванушка обязан любым путем открыть людям увиденную им истину. «Все просто...», – как бросил Воланд, рассказчик, а может, соавтор романа Мастера и очевидец происшедшего в 14-й день месяца нисана. Такова правда, открывшаяся в России Михаила Булгакова. Все остальное – от лукавого...

Воланд и Маргарита наметили Мастеру финал романа из одной фразы. И Мастер ее произнес: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя». Только эта «свобода» напоминает ницшевскую «мораль рабов». С позиций Ницше, не знавшего, впрочем, советского опыта государственной иерархизации, и выводы о романе Мастера будут совсем противоположными. Тем более, что, как нам видится,

Ницше познал свободу настолько, что испугался. Все знает и не страшится лишь один Воланд.

Мастер уже раньше сталкивался с ним, ведь рассказ Бездомного не стал для него откровением (133). Он да Маргарита как ведьма по призыванию с ходу узнают Сатану, что могут лишь посвященные. Нет-нет, тут никакие не масонские следы; масонство и сопутствующая ему мистика – лишь отвлекающий семантический покров в романе, как мы уже говорили.

Вот Ивану приснилось описание казни на Голгофе. Николаю Ивановичу Босому приснилась сцена сдачи валюты гражданами. Мастеру привиделась последняя ночь в подвальной квартирке, луна... Так было это или приснилось ему? Если приснилось остальным, то где гарантия, что и многое предыдущее не снилось нашим героям? Реальность-то могла быть проще: арест за происхождение, за порочащие связи, а то и по чьему-нибудь рутинному доносу.

И любовь свою Мастер мог нафантазировать – уж очень она мало правдоподобна. Но штука в том, что и сочиненное обретает убедительность, если оно *отражает истину*.

В общем, идея Горького о «художнике-вожде» *опротестована* Булгаковым. Мастер – вот образец художника, говорил он [16]. Беззащитного, подвижнического творца культуры нации, способного представить ей картины *истинного порядка вещей*.

А вот и сам «коллективный вождь» с компанией. Недоброжелатели в Эпilogue зовут их «шайкой Воланда» – уголовной бандой, либо, как это звучало в лексике 30-х гг., командой преступной власти. Внешне эта шайка смотрится весьма подозрительно: косой предводитель с претензией на всезнание и всепонимание, его ближайший помощник в клоунском одеянии и с дурными манерами, какой-то толстый волосатый субъект с кошачьими глазами, нагая девица с грубым криминальным шрамом на шее, крепкий, квадратный, невысокий убийца с волчьим оскалом.

При ближайшем знакомстве читатель проникается симпатией и непонятым доверием к этой честной компании. Потому что становится ясно, что это не банда «социально близких» [17] живодедов и вымогателей. От них остается впечатление, как о настоящей власти, которая, будучи укорененной в истории, не может быть преступной, во-первых, потому, что она законна, во-вторых, потому, что преступные средства лишат ее уверенности в своих силах.

Поэтому клеветы Воланда поступают справедливо. Они помогают тем, кто в первую очередь

нуждается в помощи. Они безошибочно знают истину. К финалу даже их облики приобретают подлинные черты; прежде были маски. Не может ведь рыцарь ходить по московским переулкам, его тут же «заметут» как «чуждого элемента». Коту вот можно, ему даже кондуктор трамвая не удивляется. Если чудаковатый господин на Патриарших прудах говорит на ломаном русском, то это уважаемый человек – интурист, в крайнем случае, иностранный профессор. Но как только он переходит на правильную русскую речь – это опасно: белоэмигрант и, значит, шпион.

Компания Воланда также красноречиво пародирует тогдашнюю власть, изобретательно используя театральную игру. Но это не лицедеи в собственном смысле слова. Это скорей некая бригада бездельников, передразнивающая порядки ли, внешности людей, административные приемы, сословные повадки, даже способы воззрения на мир. Да нет, это труппа фокусников, клоунов, жонглеров, эквилибристов, это прирожденные цирковые артисты! И еще это шарага [18] бандитов, мошенников, шулеров, мокрятников [19], фуфланов [20], но и вместе с тем это представители некоей скрытой власти, живущие по правилам этой власти [21].

Для того, чтобы во всем разобраться, прежде надо уяснить себе, что истина явится только ценной трагедии. Истина никогда не даруется, а добывается в трудах. Да еще по суровому христианскому догмату, человек, познавший истину, становится греховным.

Пока мы только очертим круг, где наши inferнальные герои допустимо понятны. И увидим: Воланд не знает условностей, не связан долгом и привязанностями к чему бы то ни было. Запрет он, подобно настоящему ницшеанцу, знает лишь один: не посягать на власть Иешуа. В остальном он полностью свободен от долга и чувств, от обязательств и влияний. То он в рваном халате, то в безупречном европейском костюме, то он историк, то маг, то кто угодно. Еще Воланд освобождает человека от обязательств. Найдя в нем злое начало, он дает злу беспрепятственно развиваться. Но Воланд понимает, что люди не могут без справедливости и милосердия, поэтому вынужден мириться и поддерживать эти качества.

Воланд – это оборотная сторона мира, черная тень мира. Его вочеловечение просто игра в того персонажа, которого представляют себе люди. А его окружение – та нежить, которая уже обрела литературный шарм. Они все появились

из ничего и ушли в никуда. Они лишь обретают на время адресный облик.

Воланд как «падший ангел» несет ответ Иешуа, да и они, по тексту, тесно связаны. В народных представлениях дьявол страшен, опасен, с ним лучше дела не иметь. Хотя по христианскому канону дьявол всего лишь оппонент Бога, его иная, правда, губительно коварная, сторона. И еще. Мастер, получивший покой, лишен свободы. В раю свободы нет, утверждал Вольтер. Но и в «покое», как мы видим, – тоже. Человек из-за разума (значит, свободы) лишен рая. Разум – это сомнение, это дьявольщина. Признание заслуг Мастера (правильно «угадал») тут же лишает его свободы и рая. А самая свободная персона – «князь тьмы». Однако свободным был и Иешуа перед казнью, оказавшись во власти Пилата и дьявольских сил. Потому что чем ближе Сатана, тем больше свободы.

Но лукавый Воланд еще – это Пилат! Прося Мастера дописать роман, он заботится о себе. Так

что Мастер *сделал* Пилата Сатаной, потому что неограниченная свобода и есть Сатана. Это второй план, так же, как Мастер – это Иешуа, надменный надмирной силой решать свою ли, чужую ли судьбу. По сути же, только Воланд из всех героев мениппеи знает все обстоятельства и тонкости жизнеповедения других героев. И еще он порой поразительно достоверно предает мысли Ницше и его героя Заратустры, так же точно не соглашаясь с мироустройством.

Похоже, рассказчик романа, а, значит, и критик Господа – Воланд.

Если Булгаков «закодировал текст», то код его – поощрение читателя к свободе – внутренней раскрепощенности до предела. При этих условиях пристальное прочтение, к которому и призывает постоянно Ницше [22], одной из ключевых сцен «романа Мастера» должно показать совсем иную расстановку персонажей. Однако трагедия героев неполна и непонятна без внимательного анализа сцены в саду с Пилатом и Каифой.

1. Испорченное «мусульмане». То есть не христиане, не православные, а «иноземец и иноверец в неприязненном значении», подчеркивает В.И.Даль (См. Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., Русский язык, 1991. Т. IV. С. 53).
2. Европейская цивилизация в нашем понимании существует при наличии следующих принципов: человеческая личность освобождена от гнетущих традиций и предрассудков, а мысль от догм, признается приоритет образования перед родовитостью, науки перед эмпирикой, а честности перед хитростью.
3. Ср.: «Шли по Газетному. Догоняет Олеша. Уговаривает М.А. пойти на собрание московских драматургов, которое открывается сегодня и на котором будут расправляться с Киршоном. Уговаривал выступить и сказать, что Киршон был главным организатором травли М.А. Это-то правда. Но М.А. и не подумает выступать с таким заявлением и вообще не пойдет. Ведь раздирать на части Киршона будут главным образом те, что еще несколько дней назад подхалимствовали перед ним» (Дневник Елены Булгаковой / сост., текстол. подгот. и коммент. В.Лосева и Л.Яновской. М., Изд-во «Книжная палата», 1990. С. 141. http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/ebru200_elenasergeevna.pdf).
4. Вайскопф, М. Писатель Сталин. М., Изд-во: Новое литературное обозрение, 2001. С. 88–92.
5. «Сам Бог сотворил дьявола: во-первых, потому, что нет ничего, что сотворил бы не Бог, ведь Бог совершенен и ничто не происходит помимо его воли; во-вторых, потому что Бог – это чистая любовь и добро, и, следовательно, зло не может быть присуще ему. Если Бог – это все, то он должен включать в себя и зло, если же Бог – чистая любовь, то в нем не может быть ненависти. Это и есть одна из центральных проблем средневековой схоластики, которая пыталась отделить Бога от негативных элементов. Мистики, такие, как Якоб Беме, решали проблему иначе и видели в Боге и свет, и тьму. Если зло все же существует в мире и оно – не от Бога, то зло должно иметь иное происхождение, а именно – от дьявола» (Бауэр, В., Дюмотц, И., Головин, С. Энциклопедия символов / пер. с нем. Г.Гаева. М., Изд-во: Республика, 2000. С. 200).
6. См.: Гаспаров, Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1989. №1. С. 78.
7. Булгаков, Сергей. Героизм и подвижничество // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М, 1909. С. 31.
8. Булгаков, М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М., Худож. лит-ра, 1990. Т. V. С. 353. В дальнейшем при обращении к тексту последнего романа Булгакова страница указывается в тексте в скобках.
9. Михаил – ближайший и преданнейший Богу ангел.
10. Бидерманн, Ганс. Энциклопедия символов / пер. с нем. М., Республика, 1996. 335 с. С. 26.
11. Нам представляется, что подобную же функцию очеловечивания режима в советские 20–30-е гг. с искренней увлеченностью играл И.Э.Бабель, который «от ЧК был приставлен к Конной. Вся его компания была чекистской <...> про чекиста из „Конармии“ Бабель говорил – „это я“» (Филиппов, Алексей. Нина Буденная: Георгиевские кресты папа носил дома: Интервью // Известия. 2003. 5 июля. С. 8).
12. Лесскис, Г. Комментарии // Булгаков, М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М., Худож. лит-ра, 1990. Т. V. С. 642.
13. Эта поистине мениппейная фигура обрела легендарные черты. Когда этого графа (и графа ли?) арестовали в середине XVIII в. в Англии за участие в попытке государственного переворота, то он довольно быстро вышел на

- свободу. Говорят, прикинулся в тюрьме сумасшедшим скрипачом (Бауэр, В., Дюмотц, И., Головин, С. Энциклопедия символов / пер. с нем. Г.Гаева. М., Изд-во: Республика, 2000. С. 459–460).
14. Эткинд, А.М. Эрос невозможного: развитие психоанализа в России. М., Изд-во: Гнозис, Прогресс-Комплекс, 1994. С. 286–298.
  15. К многократно употребляемому нами понятию истины присовокупим еще и это – «мать справедливости» (Все-российский словарь-толкователь (составленный несколькими филологами и педагогами): в 2 томах / под ред. В.В.Жукова. СПб., Издание А.А.Каспари, 1893. Т. I. С. 692.). Пилат отнесся к истине иронически. В романе истину (справедливость) утверждает на земле Воланд.
  16. См. в нашей кн.: Михаил Булгаков: становление романиста / В.И.Немцев; под ред. Н.П.Козлова. Самара, Изд-во Саратовского ун-та: Самарские филологи, 1991. 162 с. С. 129–134.
  17. Так назывались в 20-х – начале 30-х уголовники, в сравнении с политическими заключенными.
  18. Шарара – темная компания; уголовная, воровская группа, компания, «шарашка» (Елистратов В.С. Словарь московского арго. М., Русское слово, 1994. 699 с. С. 561–562).
  19. Мокрятник – уголовный убийца, убивший с пролитием крови (Елистратов В.С. Словарь московского арго. М., Русское слово, 1994. С. 250).
  20. Фуflan – уголовный лгун, обманщик (Елистратов В.С. Словарь московского арго. М., Русское слово, 1994. С. 513).
  21. В 1919 г. Троцкий выразился, что в лице большевистских комиссаров «мы получили новый коммунистический орден самураев» (Троцкий, Л.Д. Сочинения: в 17 т. М.; Л., Государственное изд-во (ГИЗ), 1926. Т.XVII. С. 326). Сходным образом в 1921 г. Сталин видел компартию «как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» (Сталин, И.В. Сочинения: в 18 т. М., Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. XI. Т. V. С. 71). Кроме того, будучи еще в ссылке, Сталин сблизился с уголовниками. Н.С.Хрущев свидетельствовал: «Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: „Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных. Я тогда сошелся с уголовными. Это были очень хорошие ребята...“» (Никита Сергеевич Хрущев // Огонек. 1989. №37. С. 30). О давней тяге Сталина к уголовникам пишет и А.И.Солженицын, отмечая, что с 20-х гг. родился термин «социально-близкие» (Солженицын, А. Малое собрание сочинений: в 7 т. М., Изд-во «Инком-НВ», 1991. Т. V. С. 357).
  22. «Другой признак теолога – это его неспособность к филологии. Под филологией здесь нужно подразумевать искусство хорошо читать, конечно, в очень широком смысле слова, искусство вычитывать факты, не искажая их толкованиями, не теряя осторожности, терпения, тонкости в стремлении к пониманию» (Ницше, Фридрих. Антихрист // Ницше, Фридрих. По ту сторону добра и зла: сочинения. М., Изд-во: «ФОЛИО», 2002. С. 1024).

VOLAND AND SEMANTICS OF "ENEMY" IN RUSSIA (ACCORDING TO M.A.BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA")

© 2016 V.I.Nemtsev

Vladimir I. Nemtsev, Doctor of Philology, Professor, acting Head of the Department of Theology.

E-mail: v.nemtsev@bk.ru

Samara State Transport and Communication University. Samara, Russia

For a long time "Enemy" was the main counterbalance to good intentions, official state interests, and also concentration of household antagonisms besides just opponent and "adversary" in Russia. The enemy perceived almost all kinds of evil spirit – a Satan, "vorog" (sorcerers, fortune-tellers) and the main thing – "infidels". The image of the last was under construction on contrast: Russians have white faces, the enemy is dark, straight noses and snub-nosed are Russian – it means that hooked ones are enemy's; by this principle also Voland's portrait is created. More widely the enemy perceived a devil, "Satan" in a Hebrew way. But its names were dictated by aspiration "not to predict" therefore the words "devil", "Satan" were used less than "devil", "enemy", "dirty". And M.A.Bulgakov shows such enemy in Moscow who, in an environment of myrmidons, is charming, powerful, fair, but such is any strong power. Conclusion: Voland as "a fallen angel" bears Yahshuah's reflected light and in the text they are closely connected. In national representations the devil is terrible, dangerous, it is better not to deal with him. Though on a Christian canon a devil is the only God's opponent, his other, however, perniciously artful part.

Keywords: semantics of the enemy in Russia; M.A.Bulgakov shows such enemy in Moscow; Voland; Voland has many prototypes. An infinite polysemy is one of the basic esthetic principles of Bulgakov.

1. Spoiled "Muslims". That is not Christians, not Orthodox Christians, but "the foreigner and the gentile in unfriendly value", V.I.Dahl emphasizes (Sm. Dal', Vladimir. Tolkovy slovar' zhivogo velikorussskogo iazyka: v 4 tomakh (Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 volumes). M., *Russkii iazyk*, 1991. T. IV. S. 53)
2. European civilization in our understanding exists with the following principles: the human person is exempted from oppressive traditions and prejudices, and a thought from dogmas, the education priority before gentility, sciences before admits empiriky, and before science empiricism and honesty to trickery.
3. Cf.: "Went on Newspaper. Catches up with Olesh. M.A. persuades to go to a meeting of the Moscow playwrights which opens today and which will deal with Kirshon. I persuade to speak and say what was Kirshon the main organizer of persecution MA. This is something true. But M.A. will also not think to make such statement and will not go at all. Those who will fight against Kirshon a few days ago "podhalimstvovali" him. (Dnevnik Eleny Bulgakovoi / sost., tekstol. podgot. i komment. V.Loseva i L.Ianovskoi (Elena Bulgakova's Diary, textual preparation and V.Losev and L.Yanovskaya's comment) M., *Izd-vo «Knizhnaia palata»*, 1990. S. 141. http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/ebru200_elenasergeevna.pdf).
4. Vaiskopf, M. Pisatel' Stalin (Stalin the Writer). M., *Izdatel'stvo: Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001. S. 88–92.
5. God created a devil: first, because there is nothing that would be created not by God, God is perfect and nothing occurs in spite of himself; secondly, because God is a pure love and good, and, therefore, the evil cannot be inherent in him. If God is all, he has to include angrily, if God is the pure love, it cannot be hatred. It is also one of the central problems of medieval scholasticism which tried to separate God from negative elements. Mystics, such as Jacob Beme, solved a problem differently and saw both light and darkness in God. Nevertheless if the evil exists in the world and it is not from God, then the evil has to have other origin, namely – from a devil". (Bauer, V., Diumotts, I., Golovin, S. Entsiklopediia simvolov / per. s nem. G.Gaeva (The encyclopedia the symbols / translation from the German G.Gayev.). M., *Izd-vo: Respublika*, 2000. S. 200).
6. Sm.: Gasparov, B.M. Iz nabliudeniia nad motivnoi strukturoi romana M.A.Bulgakova «Master i Margarita» (From observations over motivic structure of the novel of M.A.Bulgakov "Master and Margarita"). *Daugava*. 1989. №1. S. 78.
7. Bulgakov, Sergii. Geroizm i podvizhnichestvo (Heroism and self-sacrifice). *Vekhi: Sbornik statei o russkoi intelligentsii*. M., 1909. S. 31.
8. Bulgakov, M.A. Sobranie sochinenii: v 5 tomakh (Selected works: in 5 volumes). M., *Khudozhestvennaia literatura*, 1990. T. V. S. 353. Further at the addressing the text of the last novel of Bulgakov the page is specified in the text in brackets.
9. Michael is the closest and most faithful angel of God.
10. Bidermann, Gans. Entsiklopediia simvolov / per. s nem. (Encyclopedia of symbols / translation from German). M., *Respublika*, 1996. 335 s. S. 26.
11. It is represented to us that similar function of a hominifying of the mode in the Soviet 20-30th with sincere enthusiasm was played by I.E.Babel who "from ChK was put to Horse Division. All his company was KGB <...> Babel told – "it's me" about the security officer from "Cavalry". (Filippov, Aleksei. Nina Budennaia: Georgievskie kresty papa nosil doma: Interv'iu (Nina Budennaya: St George's Crosses the father carried at home: interview). *Izvestiia*. 2003. 5 iulia. S. 8).
12. Lesskis, G. Kommentarii (Comments). *Bulgakov, M.A. Sobranie sochinenii: v 5 t. M., Khudozhestvennaia literatura*, 1990. T. V.S. 642.
13. This really "menippeyny" figure found legendary lines. When this count (whether he's count?) was arrested for participation in coup d'etat attempt in the middle of the 18th century in England, he was released quickly enough. They say, he pretended to be the mad violinist in prison. (Bauer, V., Diumotts, I., Golovin, S. Entsiklopediia simvolov / per. s nem. G.Gaeva (The encyclopedia of symbols / translation from the German G.Gayev). M., *Izd-vo: Respublika*, 2000. S. 459–460).
14. Etkind, A.M. Eros nevozmozhnogo: razvitie psikoanaliza v Rossii (Eros of impossible: development of psychoanalysis in Russia). M., *Izdatel'stvo: Gnozis, Progress-Kompleks*, 1994. S. 286–298.
15. To the concept of the truth which is repeatedly used by us we will also add it – "mother of justice". (Vserossiiskii slovar'-tolkovatel' (sostavlennyi neskol'kimi filologami i pedagogami): v 2 tomakh / pod red. V.V.Zhukova (The All-Russian dictionary interpreter (made by several philologists and teachers): in 2 volumes / under V.V.Zhukov's edition). *SPb., Izdanie A.A.Kaspari*, 1893. T. I. S. 692). The pilot treated the truth ironically. In the novel the truth (justice) is approved on the earth by Voland.
16. See in our book. Mikhail Bulgakov: stanovlenie romanista / V.I.Nemtsev; pod red. N.P.Kozlova (Mikhail Bulgakov: formation novelist / V.I.Nemtsev; under the editorship of N.P.Kozlov.). *Samara, Izd-vo Saratovskogo un-ta: Samarskie filologi*, 1991. 162 s. S. 129–134.
17. So were called in the 20th – the beginning of the 30th criminals, in comparison with political prisoners.
18. The Sharaga is the dark company; criminal, thieves' group, company, "sharashka". (Elistratov V.S. Slovar' moskovskogo argo (Dictionary of the Moscow slang). M., *Russkoe slovo*, 1994. 699 s. S. 561–562).
19. Mokryatnik is the criminal murderer who killed with shedding of blood. (Elistratov V.S. Slovar' moskovskogo argo (Dictionary of the Moscow slang). M., *Russkoe slovo*, 1994. 699 s. S. 250).
20. Fuflan is the criminal liar, the deceiver. (Elistratov V.S. Slovar' moskovskogo argo (Dictionary of the Moscow slang). M., *Russkoe slovo*, 1994. 699 s. S. 513).

21. In 1919 Trotsky was expressed that in the person of Bolshevik commissioners "we received a new communistic award of Samurais". (Trotskii, L.D. Sochineniia: v 17 tomakh (Compositions: in 17 volumes). M.; L., Gosudarstvennoe izd-vo (GIZ), 1926. T.XVII. S. 326). In a similar way in 1921 Stalin saw the Communist Party "as some kind of award of sword-bearers in the state Soviet, directing bodies of the last and spiritualizing their activity". (Stalin, I.V. Sochineniia: v 18 tomakh (Compositions: in 18 volumes). M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1949. T. XI. T. V. S. 71). Besides, having been even in exile, Stalin approached criminals. N.S.Khrushchev testified: «He told us about it several times. He spoke: "What good children were in exile in the Vologda province from criminal. Then I met criminal. They were very good children..."» (Nikita Sergeevich Khrushchev (Nikita Sergeevich Khrushchev). *Ogonek*. 1989. №37. S. 30). A.I.Solzhenitsyn also writes about old thirst of Stalin for criminals, noting that from 20th the term "social and relatives" was born. (Solzhenitsyn, A. Maloe sobranie sochinenii: v 7 tomakh (Small selected works: in 7 volumes). M., Izd-vo «Inkom-NV», 1991. T. V. S. 357).
22. "Other sign of the theologian is his inability to philology. Here it must be kept in mind art by philology well to read, of course, in very broad sense of the word, art to read the facts, without distorting them interpretation, without losing care, patience, a subtlety in aspiration to understanding". (Nitsshe, Fridrikh. Antikhris (Antichrist). *Nitsshe, Fridrikh. Po tu storonu dobra i zla: sochineniia*. M., Izd-vo: «FOLIO», 2002. S. 1024).